

Андронов Николай

31.03.04

Новая газ. - 2004 - 29 мар.
та - 31 марта - с. 18.

Соцреализм окнами на монастырь

Выставкой живописи
и графики Николая
Андропова Третьяковка
отмечает 75-летие
со дня рождения одного
из основоположников
«сурового стиля»

В начале «оттепели» поколение молодых художников — Таир Салахов, Павел Никонов, Андрей Васнецов, Николай Андронов — попыталось радикально переосмыслить изобразительную традицию соцреализма. Воспевая все те же рабочие будни героев соцтруда, доставшийся в наследство от Дейнеки жизнерадостный пафос они пытались выразить с пластических позиций «бубнововалетцев».

Источник их лаконичного стиля — в кубизме, экспериментах Ларионова и Гончаровой. Наряду с «Геологами» и «Нашими буднями» Павла Никонина изоманифестом этой недолгой и экспрессивной живописной эпохи стали написанные в начале 60-х «Плотогоны» Андропова — так и не доехавшие до юбилейной персоналки из постоянной экспозиции Третьяковки.

«Ночь». 1987 год

Учившийся в ленинградском Институте им. Репина, закончивший после переезда в Москву Суриковку, «народный художник», профессор и академик Андронов видится из сегодняшнего дня прописной фигурой советского официоза. Но для коллег-современников он был «левым крылом» МОСХа: по административной части, говорят, всячески либеральничал и не одну творческую судьбу устроил, хотя и сам спасался от бюрократии в командировках, надолго уезжая работать в сибирскую глухомань.

Андронов был одним из тех адресатов хрущевско-го «пидарасы!», кто сполна расплатился за участие в историческом «30-летию МОСХа»: был исключен из Союза и стал невыездным. А Госпремии удостоился только в 1979 году — и вовсе не за то, что наделил пытливыми, творческими душами безымянных монтажников и колхозников или создал грандиозную революционную мозаику на новоярбатском кинотеатре «Октябрь», а за интерьер «известинского» комбината.

Вместо того чтобы вслед за соратниками по Манежу загонять себя в подпольное сопротивление, Николай Иванович писал северную деревню и бесконечные виды из окна мастерской на берегу Бородаевского озера на Вологодчине. Казалось, углубился в вязкий цвет северного пейзажа, зимние ночи и сиротливые деревенские натюрморты, а на самом деле — в себя.

Цикл пристальных автопортретов с обманчиво юродствующим названием «Неча пенять на зеркало...», беспросветные зеркала и длинная вереница подслеповатых окон — суть одна и та же «двойная рама» личного мирозерцания, разные виды авторской души. Андронов не стремится к внешним эффектам и кажется равнодушным к сюжету: все эти колечные собаки, утлые избенки и стелющиеся по углам сумерки очень похожи друг на друга — будто тянется и все никак не заканчивается один день под крышкой низкого неба. Но вместо внутреннего трагизма в этом мутном межсезонье ощущается подспудное, необратимое, вселенского масштаба движение. Андронов ведет диалог с Дионисием и Матиссом — будничным тоном прогноза погоды. И только однажды в письме проговорится: счастлив, что всегда чувствовал фрески Ферапонтова монастыря.

От самого художника зависит: узреть лубок в каждом соцзаказе или в каждом распахнутом окне — икону.